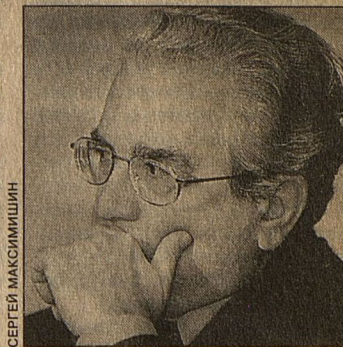

Михаил ПИОТРОВСКИЙ: Когда активен — легче переносишь голод

Кабинет Михаила ПИОТРОВСКОГО огромен — несколько несуществующих этажей в высоту. На стенах — две старинные дворцовые европейские шпалеры, за спиной директора Эрмитажа, которого президент РФ публично назвал своим другом, — портрет Екатерины Великой. В такой обстановке, с такими покровителями, человек должен вынашивать и осуществлять грандиозные замыслы. Пиотровскому принадлежит афоризм «Один плюс один равно трем», что звучит арифметически странно, но фактически верно — союз Эрмитажа и Музея Гуггенхайма породил музей Эрмитаж-Гуггенхайм в Лас-Вегасе, который должен открыться в начале октября. Обозреватель «Известий» Ольга КАБАНОВА продолжает разговор о новом музее, начатый в номере от 16 августа рассказом о директоре Фонда Соломона Р. Гуггенхайма Томасе Кренце.

СЕРГЕЙ МАКСИМИШИН

— Михаил Борисович, наш разговор пойдет о Лас-Вегасе.

— Кстати, у меня к вам претензия. У нас снаружи на здании музея в Лас-Вегасе будет написано «Эрмитаж-Гуггенхайм», а внутри — «Гуггенхайм-Эрмитаж». И это целое событие, мы тут в этом кабинете бросали с Кренцем монету — что будет написано на фасаде. А вы написали наоборот.

— Так, как будет на самом деле, гораздо лучше. Извините, я неверно интерпретировала американский пресс-релиз. Но почему, скажите, дата открытия музея перенесена на две недели?

— Оказалось, что наш проект столь амбициозен, что за два месяца его просто не успевают осуществить. В отеле «Венецианский» откроются два новых помещения, над ними работают

два гениальных архитектора — Рем Кулхаас и Фрэнк Гери (Гери делает дизайн выставки «Искусство мотоцикла», которой откроется отделение Гуггенхайма в Лас-Вегасе. — О.К.). Наше помещение — из особой стали, которая не производится промышленно, ее нужно делать специально.

(Окончание на 8-й стр.)

Михаил ПИОТРОВСКИЙ:

Когда активен — легче переносишь голод

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

В результате получилось так, как у нас в России не бывает, — перенесли открытие. Потому что поняли: сделать качественно и в срок не получается. А в Америке очень жесткие требования по приемке зданий, тут взятки не дашь, начальство не уговоришь. Теперь, пока я там все не посмотрю сам, дату реальной не считаю.

— А как вы относитесь к архитектуре отеля «Венецианский», где будут открыты два новых музея?

— Весь Лас-Вегас — Диснейленд для взрослых, все там — сплошная липа, подделка. Но ни за что другое эта липа не выдается, она просто изображает нечто, и этим развлекает. Кулхаас говорит, и я с ним согласен, что мы в мир подделок привносим нечто настоящее. Вот музей «Метрополитен» не везет туда свои картины, а везет музейный магазин. Магазин привезти просто, а вот подлинные картины, серьезное отношение к выставкам — это вызов. Для нас важно, чтобы выставки там были суперкласса.

— А зачем суперкласс в Диснейленде?

— Потому что этот Диснейленд — суперкласс отельного мира. К тому же мы не должны терять лицо — у нас везде все должно быть очень хорошо. Тем более что аудитория, которая существует там, — а я видел и изучал этих людей, — эта аудитория будет стоять пятнадцать минут перед каждой картиной, получать удовольствие и слушать, что им будут в наушники об этой картине рассказывать.

— Это люди в шортах и майках?

— У нас больше ходят в шортах и майках, чем там. Вечером они все ходят в ресторан black tie. Люди приезжают в Лас-Вегас на три дня семьями, развлекаются. Немного играют. Катаются на гондолах триста метров (в «Венецианском» воспроизведены достопримечательности Венеции. — О.К.), записываются для этого в очереди, ходят по магазинам. В одном из последних Art News было интервью директора отеля Голдштейна, он рассказал, что когда они делали свои молы с дорогими магазинами, им тоже говорили: вы спятили, кто будет покупать вещи в Лас-Вегасе, туда не за этим едут. И я видел, как там люди смотрят кар-

тины — очень хорошие лица, ничуть не хуже лиц туристов в Эрмитаже летом. Это нормальный средний класс, настоящая Америка — не Нью-Йорк.

— Но это вы сейчас так говорите о Лас-Вегасе, а что было с вами, когда вы впервые получили от Кренца это предложение?

— Идея существует давно, ко мне не раз с ней обращались. Но те предложения нам не подходили, например, выставлять наши картины в чужом музее. Я все время говорил: какой Лас-Вегас, вы с ума сошли! Но Кренц серьезный человек, его предложение показало интересное, к тому же мы начали сотрудничество с Фондом Соломона Р. Гуггенхайма, и Лас-Вегас — один из пунктов этого сотрудничества. И в общем результате он будет не самым главным. К тому же к моменту этого разговора идея «Эрмитаж где-то» уже реализовывалась, шли переговоры с Амстердамом, Лондоном. И еще я люблю говорить, что мое социалистическое воспитание не даст мне покоя — чувствую обязанность нести культуру в массы. Публика Лас-Вегаса — это подходящая масса.

— А в России разве нет таких неохваченных культурой масс?

— Если не считать последних десяти лет, то все население СССР или побывало в Эрмитаже, или считало, что всегда может это сделать. Потом был спад, но сейчас люди начинают к нам возвращаться. Нам вот только петербуржцев осталось вернуть себе. Так что я считаю: функцию образования широких масс Эрмитаж выполнил. Потом мы существуем для всего мира. Вот, например, я веду суровую борьбу за право наших людей платить за входной билет меньше, чем другие.

— С кем ведете?

— С журналистами, в том числе западными, которые возмущаются, почему иностранцы должны платить за билет в несколько раз больше. Я объясняю, что это просто скидки для наших граждан, которые во много раз больше, чем где-нибудь, должны платить, например, за лекарства. Цену скидки для российских граждан мы берем на себя, ведь у нас все получают очень маленькие зарплаты. Главное, чтобы наши лекции были доступны, такие музеи, как Эрмитаж, показывают

всего семь—десять процентов того, что имеют. Для достижения доступности есть много форм: устраиваем открытые фондохранилища, делаем свои ротационные выставки здесь, внедряемся в Интернет. По секрету: мы будем сейчас делать с Гуггенхаймом виртуальные выставки.

— Какой же это секрет, Интернет забит этими сообщениями.

— Но мы не объявили, какие будут выставки. Следующая форма — наши выставки за рубежом, и продление ее — наши выставочные центры в мире. Кстати, это отличается от экспансии Гуггенхайма. Нас роднит, что мы два бедных музея...

— Разве Гуггенхайм бедный?

— Такие большие музеи, как «Метрополитен», имеют капитал, на проценты от которого живут. А у Гуггенхайма этот капитал очень мал, поэтому Кренцу приходится все время крутиться — на каждую вещь нужно искать деньги. Так же и у нас, на государственные субсидии (я научился так называть государственное финансирование) не проживешь. На все надо искать спонсоров. Но у Гуггенхайма нет такой коллекции, как наша, они больше прода-

ют свой опыт в организациях выставок. У нас же ежегодно 5—6 выставок в разных концах света. Гораздо удобнее, чтобы они были в постоянных и контролируемых местах. Вот до вас в этом кабинете сидели мои казанские коллеги, мы обсуждали показ у них нашей мусульманской выставки, а потом говорили о проекте эрмитажного центра в Казани. Мы можем возить выставки везде, где будет настоящий интерес, где это будет большим событием. Выставки Эрмитажа — событие даже в таком городе, как Рим. Так что Казань, Лас-Вегас, Амстердам — все для нас равны, при соблюдении, естественно, условий, сохранности, страховки.

— В истории с Лас-Вегасом вы надеетесь на финансовую отдачу?

— Вчера была длинная статья в New York Times, что вся российская культура погибает, а Эрмитаж надеется поправить свои дела за счет Гуггенхайма. Но все поправляют свои дела! А Гуггенхайм зачем едет в Лас-Вегас? А «Метрополитен»? У всех музеев есть собственные способы генерирования денег, это вряд ли можно назвать коммерцией, но это делают все

музеи мира. В Лондоне мы создаем свой центр для привлечения внимания к Эрмитажу, для того, чтобы наши сотрудники могли туда надолго поехать работать, там деньги — дело десятое, их там не заработаешь. А для Лас-Вегаса мы сделали бизнес-план, посчитали сколько будет стоить билет, сколько посетителей планируется и какая часть этих денег может быть компенсацией для Эрмитажа за наше интеллектуальное участие, за наше имя. В нашем договоре с Гуггенхаймом есть пункт, что все полученные в Лас-Вегасе деньги пойдут на реконструкцию здания Генерального штаба (отданного Эрмитажу), то есть на ту программу, которую нам государство не в состоянии финансировать.

— И какая планируется выработка?

— Трудно сказать, но миллион мы уж точно заработаем.

— Среди наших музеев Эрмитаж самый активный. Но как раз он при своей уникальной коллекции мог бы жить спокойно, законсервироваться. Многим бы его таким и хотелось видеть, как Большой театр — театром-музеем прошлого века.

— Но не вышло. Если просто сидеть и ничего не делать, то не на что будет жить. Мы могли бы сидеть тихо, если бы у нас было нормальное финансирование. Но если тонешь, надо барахтаться, когда активен — легче переносишь голод. Знаете, когда у нас все валилось, и нам говорили, давайте зарабатывайте, то Счетная палата тогда не появлялась. Но вот мы выпутались, и сейчас, конечно, у нас начнутся проблемы с бюджетным кодексом, ведь нам нужно сделать так, чтобы все заработанное нами шло на развитие музея. Но Эрмитаж — самый консервативный музей мира. Я с утра до вечера кручусь, чтобы все в нем оставалось как было. Эрмитаж всегда был агрессивным музеем. Все, что заложила Екатерина, все сегодня работает. Это музей, открытый всему миру, музей мировой культуры, и здесь всегда работали с современным искусством. Екатерина его покупала и заказывала. И то, что показывают у нас на третьем этаже, когда-то вызывало у зрителей культурный шок. Наша агрессия — это и есть консервативная традиция Эрмитажа.

Музейный. 2001 — 25 авг. — с. 1, 8